

НЕИСКРЕННЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ И НЕИСКРЕННЫЕ РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ

Аннотация. Исследование посвящено вопросу о правомерности неискренних речевых жанров.

Речевой жанр понимается как форма высказывания, с помощью которого реализуется речевой акт.

В зависимости от типов фальсифицируемой интенции (ассертивной, волитивной и эмотивной), выделяются три типа неискренних речевых актов – лживые (неискренние ассертивы), манипулятивные (неискренние директивы) и лицемерные – притворство, лесть и клевета (неискренние экспрессивы).

При этом говорящий имеет скрытую перлокутивную цель обмануть адресата, что проявляется в его стремлении оформить высказывание таким образом, чтобы оно ничем не отличалось от искреннего.

Делается вывод, что неискренними могут быть только речевые акты, но не жанры.

Ключевые слова: интенция, неискренность, речевой акт, речевой жанр, фальсификация.

INSINCERE SPEECH ACTS AND INSINCERE SPEECH GENRES?

Abstract. This article is devoted to justification of insincere speech genres.

Speech genre is understood to be a form of utterance through which a speech act is being realized. Based on the type of falsified intention (assertive, volitive and emotive), three types of insincere speech acts are distinguished – lie (insincere assertives), manipulation (insincere directives) and hypocrisy – pretending, flattery and slander (insincere expressives). Therewith, the speaker has a hidden perlocutionary goal of deceiving the recipient displaying itself in his intention to set the utterance in a form that isn't different from a sincere one.

The conclusion is drawn that only speech acts can be insincere, not genres.

Key words: intention, insincerity, speech act, speech genre, falsification.

Сведения об авторе: Безуглая Лилия Ростиславовна, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии и перевода.

Место работы: Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, Украина

E-mail: bezugla@daad-alumni.de

About the author: Bezugla Liliia Rostyslavivna, Doctor of Philology, Professor of the Department of German Philology and Translating.

Place of employment: V. N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine.

1. Вступительные замечания

В современной когнитивно-коммуникативной лингвистике, ставящей во главу угла человеческий фактор в языке, являются актуальными так называемые «экзотические ситуации речи» [1 : 189]. Среди них особый интерес вызывают явления, описываемые в терминах «ложь», «обман», «манипуляция», «неискренность», «притворство» и т.п. и имеющие непосредственное отношение к человеку – мыслящему и говорящему субъекту, участвующему в реализации дискурса.

Примечательно, что исследователи, рассматривающие эти явления, часто сводят их ко лжи как «разновидности несоответствия истине, действительной реальности» [2 : 221], «дискурсивному образованию», которое «играет» оппозицией истины и неистины, вовлекая в эту игру целый ряд смежных понятий» [3 : 251]. Такое понимание, восходящее к противопоставлению понятий «ложь – истина» и «ложность – истинность» в логической семантике, представляется не всегда оправданным.

Мы считаем целесообразным разграничивать ложность высказывания как его несо-

ответствие действительности и ложь как преднамеренное искажение положения дел, выраженного пропозицией, – процесс, акт деятельности говорящего субъекта. Исследование этого процесса сопряжено со смещением акцента с высказывания на его производителя – субъекта. Анализируя развитие антропоцентрического взгляда на язык и речь, Н. Д. Арутюнова подчеркивает, что «передвижение интереса <...> от мира к человеку <...> привело к тому, что вместо объективного принципа истинности предложения в центре внимания <...> оказался субъективный принцип искренности высказывания» [1 : 55].

Ложь оказывается в одном ряду с притворством, манипуляцией, обманом и т.п. и предстает лишь как одна из возможных форм проявления неискренности говорящего в дискурсе, т.е. неискренность является зонтичным понятием по отношению ко лжи, притворству, манипуляции, обману и т.п. [4–8]. Неискренность определяется как «отношение <...> несоответствия (различия) того, что говорящий говорит, и того, что он думает (и, шире того, что он имеет в своем сознании, «уме»)» [8 : 31], что свидетельствует о

необходимости когнитивного подхода к ее изучению.

Адекватный методологический инструментарий для изучения неискренности дает когнитивно ориентированная теория речевых актов, в частности, анализ условий успешности речевых актов. Нарушение условия искренности ведет к реализации неискренних речевых актов, результирующихся в неискренних высказываниях.

Можно ли говорить о неискренних речевых жанрах как особых типах высказываний, используемых говорящим в дискурсе? С. Дённингхаус к неискренним речевым жанрам относит притворство, ложь, лесть и лицемерие, хотя подчеркивает, что «на формальном, грамматическом уровне нельзя определить, является ли высказывание лицемерным актом (ложью)» [5], причем она в этой работе не дает четкого разграничения речевых актов и речевых жанров. Ложь и притворство к речевым жанрам причисляет и В. И. Шаховский, замечая, что они характеризуются «неявными формально-синтагматическими параметрами» [2 : 239].

В настоящей статье осуществляется анализ типов высказываний, сопряженных с реализацией неискренних речевых актов, на материале драматических произведений авторов ФРГ и Австрии, персонажная речь которых отражает современный немецкоязычный разговорный дискурс. Одна из целей анализа – выявить на данном материале неискренние речевые акты и/или неискренние речевые жанры и их типы на основе формальных признаков.

2. Речевые акты vs. речевые жанры

Разграничение понятий речевого акта и речевого жанра должно исходить из того, что они относятся к разным теориям, к разным терминологическим системам. Речевой акт является ведущим понятием лингвопрагматики, основанной на деятельностном подходе к языку и речи, и предполагает процессуальное понимание¹. Понятие речевого жанра лежит в основе жанроведения или теории речевых жанров, развивающей идею М. М. Бахтина о жанрах речи как типах речевых высказываний. На наш взгляд, в данной теории речь идет о результативном понимании высказываний: «Определенная функция (научная, техническая, публицистическая, деловая, бытовая) и определенные, специфические для каждой сферы условия речевого общения

порождают определенные жанры, то есть определенные, относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний» [10 : 164].

Наша точка зрения, таким образом, состоит в том, что теория речевых жанров является объектоцентрической. Сходную позицию высказывает С. Дённингхаус, по мнению которой, М. М. Бахтин, «в отличие от сторонников теории речевых актов, концентрирует свое внимание на типах текстов, а не на типах действий» [11 : 112].

Напротив, теория речевых актов имеет субъектоцентрический характер – речевой акт производится говорящим субъектом и имеет своим результатом высказывание, жанр которого определяется типом речевого акта². Следует подчеркнуть, что такой взгляд на концепцию М. М. Бахтина ни в коей мере не умаляет роль, которая отводится в ней говорящему и (в особенности!) слушающему: «В самом деле, слушающий, воспринимая и понимая значение (языковое) речи, одновременно занимает по отношению к ней активную ответную позицию» [10 : 169].

Имеется в виду исследовательский вектор: объектоцентрический – от высказывания (текста) к говорящему, и субъектоцентрический – от говорящего к высказыванию (тексту). Если теория речевых жанров концентрируется на высказываниях / текстах определенных жанров, используемых говорящим и интерпретируемых адресатом в дискурсе, то современная, когнитивно ориентированная теория речевых актов помещает в центр исследовательского интереса речевые действия / акты говорящего, берущие начало в его ментальной сфере и результирующиеся в различных высказываниях.

Примечательно, что М. М. Бахтин неоднократно подчеркивает, что жанр – это не сами высказывания, а их формы: «Формы языка и типические формы высказываний, то есть речевые жанры, приходят в наш опыт и в наше сознание вместе и в тесной связи друг с другом» [10 : 181]. При этом языковая форма высказывания, в общем, приравнивается к его типу: «каждая сфера использования языка вырабатывает свои относи-

¹ Ср. у Дж. Лайонза: «действие – это процесс, контролируемый агентом; акт – это единица действия или активности» [9 : 252].

² Имеется в виду понимание высказывания как продукта речевого акта [11 ; 12 : 6], хотя распространена также трактовка высказывания как процесса, согласно которой высказывание приравнивается к речевому акту. Различие высказывания-процесса и высказывания-продукта эксплицируется наличием разных лексем в некоторых языках: напр., укр. *висловлювання* – *висловлення*, фр. *énonciation* – *énoncé*.

тельно устойчивые типы таких высказываний, которые мы и называем речевыми жанрами» [10 : 159].

С другой стороны, М. М. Бахтин допускает метонимическое употребление этого термина, уводящее читателя от его магистральной трактовки: «Мы говорим только определенными речевыми жанрами, то есть все наши высказывания обладают определенными и относительно устойчивыми типическими формами построения целого» [10 : 181]. «Говорить речевыми жанрами», т.е. говорить формами высказываний, а не самими высказываниями, – не что иное, как метонимия терминов.

Формальный характер речевого жанра акцентируется в его современных трактовках наряду с социальным характером: речевой жанр – «вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия» [12 : 6], «средство формализации социального взаимодействия» [13 : 175], «письменные и устные формы диалогов, т.е. формы социального взаимодействия посредством высказываний на естественном языке» [11 : 104]. Перефразируя мысль В. В. Дементьева [13 : 176], можно утверждать, что язык является инструментом, при помощи которого человек осуществляет свою ориентацию в общении с другими людьми, а речевой жанр есть форма этого инструмента.

Понимание речевого жанра как формы, свойства, характеристики высказывания приближает его к модусной категории – объединении языковых средств на основе общности их интерпретирующей функции [14 : 45]. Как и модусная категория, речевой жанр имеет интерпретирующий и релятивистский характер: он существует не сам по себе, а только относительно высказывания или текста, поэтому релевантным является вопрос *Речевой жанр чего?*, как и ответ на него – *Высказывания, текста, отсюда – высказывания в жанре просьбы, извинения, проповеди, анекдота* и т.п. (т.е. таких типов высказываний и текстов, которые имеют формальные признаки, языковые модели построения). Напротив, этот же вопрос по отношению к речевому акту (**Речевой акт чего?*) представляется невозможным – речевой акт существует сам по себе, безотносительно к какой-либо другой сущности.

Итак, речевой акт имеет процессуальный характер, а речевой жанр – результативный, что и позволяет оперировать данными понятиями в одном исследовании.

3. Понятие неискреннего речевого акта

Любое исследование речевых актов предполагает анализ условий их успешности

– таких условий, которые необходимы и достаточны для того, чтобы произнесение высказывания было совершением акта определенного иллокутивного типа¹.

Условие искренности определяет, какая интенция (пропозициональная установка) выражается говорящим при реализации того или иного типа речевого акта [17 : 159]: при реализации ассертивов условие искренности состоит в том, что говорящий *S* верит, что *P* истинно, директивов – что *S* хочет, чтобы адресат *H* совершил действие *A*, квеситивов – что *S* хочет знать ответ, комиссивов – что *S* намеревается совершить действие *A*, экспрессивов – что *S* имеет и хочет выразить оценку адресата, отношение к нему или эмоции.

Речевые акты с нарушением условия искренности Дж. Р. Серль рассматривает как «злоупотребление иллокутивным актом»: говорящий пользуется тем, что не может сказать прямо: «Я утверждаю, что *p*, но не думаю, что *p*», «Я обещаю, что *p*, но не намереваюсь *p*»; при этом можно сказать: «Он утверждал, что *p*, но на самом деле не считал, что *p*»; «Он обещал, что *p*, но на самом деле не намеревался совершить это» [18 : 174].

При нарушении условия искренности говорящий «фальсифицирует интенцию, которая не является его действительной» [16 : 22]. При этом он преследует перлокутивную цель обмана / введения в заблуждение², имеющую три составляющие: 1) скрыть от адресата определенную интенцию, 2) заставить его поверить в свою искренность при помощи выражения совершенно иной интенции, 3) скрыть от адресата первые две составляющие перлокутивной цели.

Речевой акт с нарушением условия искренности и скрытой перлокутивной целью обмануть адресата определяется как неискренний. Если говорящий оказал предполагаемое речевое воздействие на адресата, т.е. совершил перлокутивный акт обмана, неискренний речевой акт рассматривается как удачный; если же адресат распознал перлокутивную цель говорящего обмануть его, неискренний речевой акт является неудачным³.

¹ Дж. Серль называет пять обязательных условий, анализ которых позволяет определить, речевой акт какого иллокутивного типа реализуется в конкретном речевом взаимодействии: условие входа / выхода, предварительное, пропозициональное содержания, искренности и существенное [15 : 51].

² Понятия обмана и введения в заблуждение употребляются здесь синонимически.

³ Ср. разграничение успешности и удачности речевого акта Д. Вундерлихом [16 : 22].

Выбор термина «обман» для обозначения перлокутивного акта в составе неискренного речевого акта объясняется воздействующей, результативной семантикой глагола *обмануть* (*deceive*) [19]. Обман может состояться, только если партнер по коммуникации обманут, введен в заблуждение неискренным говорящим. Если обман разоблачен, обманом его назвать уже нельзя.

Перлокуция обмана не связана с определенным иллокутивным типом речевого акта, а может присутствовать в каждом из них. Обмануть можно посредством утверждений, просьб, вопросов, обещаний, похвалы и т.п. Реализуемые при этом неискренние речевые акты отличаются по иллокуции, но объединяются фальсификацией интенции и перлокуцией обмана. Реализация различных иллокутивных типов неискренных речевых актов ведет к тому, что говорящий употребляет неискренние высказывания, которые ничем не отличаются по форме от искренних.

Перлокуция обмана, как и всякая перлокуция, имеет стратегический характер. Вслед за Ю. Хабермасом, «перлокуции рассматриваются как специальный класс стратегической интеракции» [20 : 395]. Перлокуция обмана реализуется в одном высказывании, а стратегия обмана – на уровне речевого события.

Таким образом, неискренность можно определить как мыслекоммуникативное состояние фальсификации говорящим своей интенции, связанное с намерением обмануть адресата.

4. Интенциональные типы неискренных речевых актов

Проанализировав результаты речеактовых исследований неискренности [4 ; 6 ; 7], считаем целесообразным классифицировать неискренние речевые акты в соответствии с типами фальсифицируемой интенции. В современной философии и когнитивной психологии под интенцией или интенциональным состоянием психики говорящего субъекта понимается направленность его сознания на объекты и положения дел внешнего мира [17].

На основе ведущей психической составляющей интенции подразделяются на ассертивные (рациональная оценка, (не)знание, сомнение, предположение, вера, уверенность), волевые (желание, намерение) и эмотивные (эмоциональная оценка, отношение к адресату, эмоции) [7 : 137 ; 21 : 213–221].

Определение интенциональных типов неискренных речевых актов опирается на

типологию иллокутивных актов Дж. Р. Серля [18] с выделением квеситивов и контактивов (фатических речевых актов) в отдельные типы.

Способность к неискренной реализации имеют речевые акты всех иллокутивных типов, кроме декларативного и контактивного. Это объясняется отсутствием у них условия искренности. Это значит, что, если говорящий в соответствующей ситуации (при выполнении подготовительного условия) без желания произнес *Guten Tag!* или *Ich erkläre die Sitzung offen*, то он все равно поздоровался или открыл собрание. Обман возможен при совершении декларативных речевых актов в случае, если говорящий выдает себя за должностное лицо (судью, директора, председателя и т.п.), однако тогда речь идет о нарушении не условия искренности, а подготовительного условия: говорящий не имеет необходимых полномочий, поэтому его действия не являются легитимными.

В зависимости от типов фальсифицируемой интенции (ассертивной, волевых или эмотивных), выделяются: 1) неискренние ассертивы (ложь), 2) неискренние директивы, квеситивы и комиссивы (манипуляция), 3) неискренние экспрессивы (лицемерие).

При реализации ассертива нарушение условия искренности состоит в противоречии между утверждением и верой, речевой акт характеризуется как лживый (ложь, вранье). Например, говорящий (Бруно) скрывает от адресатов тот факт, что у него в квартире живет его пожилой отец, поэтому, когда друзья услышали за стеной грохот, он говорит (лжет), что это соседи:

(1) Felix: *Ganz schön dünne Wände, Mensch.*

Bruno: *Die Nachbarn. Ein älteres Ehepaar.*

Felix: *Das kommt doch ganz eindeutig von deinem Büro!*

Bruno: *Siehst du! Das hab ich die ersten paar Monate eben auch geglaubt. Aber es sind die Nachbarn.* (H. Schertenleib. Radio Kaschmir).

При реализации неискренных директивов, квеситивов и комиссивов, объединенных волевым интенцией, имеет место противоречие между выражаемой и действительной волей говорящего. Говорящий при этом лжет, его речевой акт характеризуется как манипулятивный, «пустой» (ср. «пустые обещания»), а высказывание расценивается как манипуляция.

В манипулятивных комиссивах нарушение условия искренности состоит в том, что говорящий не собирается выполнять предсказуемое действие, в манипулятивных ди-

рективах – в том, что он не заинтересован в выполнении действия адресатом (неискренние просьбы, приглашения, приказы и т.п.) либо не желает войти в его положение (неискренние советы, разрешения, запреты и т.п.). Так, зная, что отец одержим идеей ограбить банк, сын (Вольфганг) решает разыграть ограбление пустого здания банка, предназначенного на снос, подложив в сейф свои деньги, – сначала он советует отцу ограбить этот банк (директив), затем предлагает свою помощь (комиссив):

(2) Wolfgang: *Papi, ich hab eine Bank für dich! <...> Die wird dir gefallen, Papi, so eine hübsche, kleine Depositenkasse in einem alten Berliner Mietshaus – das ist die Gelegenheit! <...> Du musst schnell zugreifen, am besten schon morgen oder übermorgen. Das Haus wird bald abgerissen. <...> Sag, wann du die Sache in Angriff nehmen willst, dann halte ich mir die Nacht für dich frei.*

Gustav: *Wofür?*

Wolfgang: *Ich lass dich doch selbstverständlich nicht allein gehen. Ich gehe natürlich mit. Und Freddie auch. Wir sind doch schließlich deine Söhne. <...>*

Gustav: *Abgemacht!* (C. Flatow. Das Geld liegt auf der Bank).

В манипулятивных квеситивах нарушение условия искренности состоит в том, что говорящий не желает восполнить когнитивный дефицит, поскольку тот отсутствует либо не важен для него. В следующем дискурсивном фрагменте говорящий (Арно) знает, что его собеседница солгала, рассказав о своем воображаемом друге; но он подыгрывает ей, задавая вопросы об этом «друге»:

(3) Arno: *Denkt Ihr Freund auch so?*

Janne: *Ja.*

Arno: *Dann passen Sie ja gut zusammen. Wie heißt er eigentlich? – Mäcki? Charly? Jimmy?*

Janne: *Nein.* (M. Bieler. Drei Rosen aus Papier).

При реализации неискренного экспрессива наблюдаем противоречие между выражаемыми и действительными чувствами; говорящий лицемерит, притворяется, его речевой акт «ненастоящий» [7 : 136]. Особенностью нарушения условия успешности в экспрессивных речевых актах является то, что говорящий фальсифицирует эмотивную интенцию, симулирует эмоции, имитирует эмоциональное состояние.

Среди экспрессивов выделяем эвалюативы, эмотивы и бехабитивы. Неискренние эмотивы и бехабитивы квалифицируются как притворство, неискренние эвалюативы – как лесть и клевета.

В случае эвалюативов объектом эмоций и оценки является адресат (его действия,

поступки, психическое состояние, внешний вид и т.п.). В зависимости от полюса оценки, неискренние эвалюативы подразделяются на речевые акты лести (неискренние похвала, комплимент, одобрение и т.п.) и клеветы (неискренние порицание, обвинение, упрек и т.п.).

В ситуации обмана нивелируются различия между одобрением, похвалой и комплиментом, которые демонстрируют позитивно-эмоциональную оценку адресата, поэтому для подобных речевых актов используем термин «лесть». Например, говорящий (актер Нико) заискивает перед продюсером, пытаясь получить роль в новом фильме:

(4) Nico: *Meine Lieblingsproduzentin. Die Beste, die ich kenne, und die Charmanteste.*

Victoria: *Du willst dich ja nur einschmeicheln.* (I. Bauersima, R. Desvignes. FILM).

Инсинуация предполагает негативно-эмоциональную оценку адресата. Так, говорящий (Бруно), недолюбливая адресата, уличает его в опоздании на семь минут, хотя понимает, что в данной ситуации это не играет роли:

(5) Bruno: *Wie spät ist es eigentlich?*

Adrian: *Zweiundzwanzig nach.*

Bruno: *Hat Matthias nicht gesagt, dass er um Viertel nach hier ist?*

Adrian: *Sind doch erst sieben Minuten.*

Bruno: *Viertel nach! Nicht zweiundzwanzig nach! Hänger! Genau wie früher. <...> Jetzt wird ungestüm geklingelt. <...>*

Bruno: *Zu spät, wie immer. Hast du dir wenigstens die Hände gewaschen?* (H. Schertenleib. Radio Kaschmir).

Неискренние эмотивы и бехабитивы – речевые акты притворства – характеризуются тем, что говорящий подделывает свои реальные чувства, т.е. неискренен в своих эмоциях – положительных, отрицательных или амбивалентных. Трактовку притворства как фальсификации эмотивной интенции подтверждают рассуждения Дж. Л. Остина о притворном гневе: «когда мы говорим о том, что человек, ведущий себя так, будто он разгневан, притворяется, одно нечто, которому это притворное поведение <...> противопоставляется, есть его реальная эмоция, чувство, установка» [22 : 290] (выделено в оригинале – Л. Б.). Таким образом, притворство, во-первых, имеет интенциональную основу, а во-вторых, может иметь как невербальный, так и вербальный характер.

По мнению психолингвистов, «физиологические, поведенческие и экспрессивные аспекты эмоции обуславливаются предше-

ствующим им когнитивным этапом» [23 : 315]. Оценка человеком ситуации, вызывающей эмоции, базируется на трех компонентах: желательности, одобрении и привлекательности. Например, «если такая эмоция, как горе, является реакцией на какое-то нежелательное событие, то и само событие должно восприниматься как нежелательное, а поскольку восприятие мира есть процесс когнитивный, то условия, вызывающие эмоции, включают когнитивные репрезентации, которые возникают в результате восприятия» [23 : 317]. Когнитивный этап в возникновении эмоций может включать и фальсификацию эмотивной интенции, что приводит к имитации говорящим соответствующей эмоции в речи.

Притворяющийся говорящий имитирует эмоции, что неизменно влечет за собой имитацию невербальных компонентов, сопутствующих речевому акту:

(6) *Strasser tut, als erblickte er sie erst jetzt: Christine! – Du? Kolossal! Ich hab dich jetzt gar nicht gesehen, auf Ehrenwort!*

Christine: *Lüg nicht!* (Ö.v. Horvath. Zur schönen Aussicht).

Притворство соотносим и с неискренними бегахитивами, поскольку в них говорящий может проявлять разную степень интенсивности чувства, которая является обратной пропорциональной степени этикетности речевого акта. Этот подтип экспрессива характеризуется наличием этикетной ситуации в качестве подготовительного условия: неискренние поздравления, соболезнования, благодарности, извинения и т.п. В следующем дискурсивном фрагменте имеет место этикетная ситуация похорон, которая вынуждает коммуникантов выражать соболезнования родственникам умершего. Говорящий (хозяйка) выражает притворную скорбь по умершему, которую разоблачает своим дальнейшим поведением:

(7) *Wirtin heult: Der arme Otto. Und gleich sterben. Und ich hab das so spät erfahren. Nein, warum hat er sterben müssen. Warum!*

Marha weint auch: *Wirtin, da ist er nicht drin.*

Wirtin hört sofort zu heulen auf: *Ja, wo ist er denn, der Otto?* (Marha zeigt auf den aufgebahrten Laiper, die Wirtin geht hin und weint heftig weiter) *Der arme Otto. Nein.* (M. Sperr. Landshuter Erzählungen).

Спецификой нарушения условия искренности всех иллюкутивных типов является то, что говорящий имеет скрытую перлюкутивную цель обмануть адресата. Без наличия перлюкуции обмана речевой акт с наруше-

нием условия искренности квалифицируется как ирония, сарказм, шутка, шутовство либо фантазия.

Как видно из примеров, в виду того, что неискренний говорящий имеет перлюкутивную цель скрыть свою реальную интенцию, он пытается оформить свои высказывания таким образом, чтобы они в языковом отношении не отличались от искренних. Поэтому нужно признать, что ведущую роль в реализации неискренних речевых актов играют невербальные компоненты коммуникации, выступающие как сигналы неискренности – паузы, хезитации, изменения тона, определенные жесты и т.п. (см. примеры (6) и (7)).

Однако, как бы ни старался говорящий скрыть свою неискренность, бессознательный механизм языковой актуализации может дать возможность его истинным интенциям проявиться в виде вербальных сигналов неискренности. Среди них в немецкоязычном дискурсе выделяются нетипичные для говорящего лексика и синтаксис, повторы, парцелляция, однословные предложения, сопутствующие метакоммуникативные высказывания типа *Es ist wirklich so, Glauben Sie mir, Ehrenwort, Dass du es weißt, Ich sehe keinen Sinn das zu besprechen* и т.п. – показательны в этом отношении примеры (1) и (6).

Тем не менее, сознательно неискренний говорящий пытается скрыть фальсификацию своей интенции и оформить высказывание таким образом, чтобы оно никак не отличалось от искреннего. В любом случае, стопроцентная уверенность адресата в том, что говорящий неискренен, только на основании формальных признаков высказывания (без анализа невербальных сигналов и дискурсивного контекста) вряд ли возможна. Поэтому, если и можно выделить неискренние речевые жанры, то такое выделение будет иметь условный характер.

5. Итоговые замечания

Когнитивно-прагматический анализ неискренности показал, что неискренние речевые акты различных иллюкутивных типов реализуются в результате нарушения условия искренности, которое характеризуется противоречием между реальной и выражаемой интенциями говорящего. Неискренний говорящий имеет две взаимно накладывающиеся интенции: реальную интенцию, которую говорящий скрывает, и фальсифицируемую, противоположную интенцию, которую он пытается донести до адресата, что характеризует скрытую перлюкуцию обмана.

В зависимости от типов фальсифицируемой интенции (ассертивной, волитивной и

эмотивной), выделяются три типа неискренних речевых актов – лживые (неискренние ассертивы), манипулятивные (неискренние директивы) и лицемерные – притворство, лесть и клевета (неискренние экспрессивы).

Хотя действительная интенция говорящего бессознательно проявляется в его речевом поведении в виде вербальных и невербальных сигналов неискренности, его сознательное стремление скрыть фальсификацию интенции и оформить высказывание таким образом, чтобы оно ничем не отличалось от искреннего, дает основание считать неправомерным выделение неискренних речевых жанров. Неискренними могут быть только речевые акты, но не жанры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М. : Языки славянской культуры, 2005. 384 с.
2. Шаховский В. И. Ложь (вранье) как речевой жанр (к теории жанрообразующих признаков) // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Саратов : ИЦ Наука, 2005. Вып. 4. С. 218–241.
3. Морозова Е. И. Ложь как дискурсивное образование : лингвокогнитивный аспект. Харьков: Изд-во ХНУ, 2005. 299 с.
4. Бабич Е. Н. Речевые акты с нарушением условия искренности в современном немецкоязычном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Харьков, 2010. 20 с.
5. Дённингхаус С. Под флагом искренности: лицемерие и лесть как специфические явления речевого жанра «притворство» // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Саратов : Колледж, 1999. Вып. 2. С. 213–227.
6. Falkenberg G. Unaufrichtigkeit und Unredlichkeit Trier, 1984. 7 p.
7. Lapp E. Linguistik der Ironie. Tübingen, 1992. 189 p.
8. Шатуновский И. Б. «Правда», «истина», «искренность», «правильность» и «ложь» как показатели соответствия / несоответствия содержания предложения, мысли и действительности // Логический анализ языка : Культурные концепты. М. : Индрик, 1991. С. 31–38.
9. Лайонз Дж. Лингвистическая семантика. М. : Прогресс, 2003. 400 с.
10. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собр. соч. : в 7 т. Т. 5. М. : Русские словари, 1996. С. 159–206.
11. Дённингхаус С. Теория речевых жанров М. М. Бахтина в тени прагмалингвистики // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Саратов : Колледж, 2002. Вып. 3. С. 104–117.
12. Дементьев В. В., Седов К. Ф. Социопрагматический аспект теории речевых жанров Саратов : Изд-во Саратов. пед. ин-та, 1998. 107 с.
13. Дементьев В. В. Исследования по речевым жанрам в России: XXI век // Лингвистика текста и дискурсивный анализ : Традиции и перспективы. СПб. : СПб ГУЭФ, 2007. С. 162–196.

14. Болдырев Н. Н. Процессы концептуализации и категоризации в языке и роль в них имен абстрактной семантики // Горизонты современной лингвистики : Традиции и новаторство. М. : Языки славянской культуры, 2009. С. 38–50.

15. Searle J. R. *Speech Acts* (27th printing). Cambridge, 2005. 203 p.

16. Wunderlich D. Zur Konventionalität von Sprechhandlungen // Linguistische Pragmatik. Fr. ; M., 1972, P. 11–59.

17. Searle J. R. Intentionalität und der Gebrauch der Sprache // Sprechakttheorie und Semantik. Fr. ; M., 1979. P. 149–174.

18. Серль Дж. Классификация иллюкутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М.: Прогресс, 1986. С. 170–194.

19. Chisholm R. M., Feehan T. D. The Intent to Deceive // The Journal of Philosophy. 1977. № 74. P. 143–159.

20. Habermas J. Erfolgs- und Verständigungsorientierter Sprachgebrauch. Der Stellenwert perlokutionärer Effekte // Theorie des kommunikativen Handelns. Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung. Fr. ; M., 1987. Bd. 1. P. 385–397.

21. Polenz P.v. Deutsche Satzsemantik: Grundbegriffe des Zwischen-den-Zeilen-Lesens. Berlin, 1988. 389 p.

22. Остин Дж. Притворство // Остин Дж. Три способа пролить чернила : Философские работы. СПб. : Алетея, Изд. дом СПб ГУ, 2006. С. 282–301.

23. Ортони А. Когнитивная структура эмоций / А. Ортони, Дж. Клоур, А. Коллинз // Язык и интеллект. М. : Прогресс, 1996. С. 314–384.

ИСТОЧНИКИ

1. Bauersima I., Desvignes R. FILM // Theater, Theater : Aktuelle Stücke 13. Fr.; M., 2003. P. 7–95.
2. Bieler M. Drei Rosen aus Papier // Hörspiele. Berlin, 1964. P. 7–39.
3. Flatow C. Das Geld liegt auf einer Bank und noch mehr Theater. München, 1995. 408 p.
4. Horváth Ö. von. Zur schönen Aussicht // Specaculum 18. Fr.; M., 1973. P. 225–269.
5. Horváth Ö. von. Die Unbekannte aus der Seine // Gesammelte Werke. Bd. 3. Fr.; M., 1978. P. 139–200.
6. Schertenleib H. Radio Kaschmir // Theater, Theater: Aktuelle Stücke 12. Fr.; M., 2002. P. 311–364.
- Sperr M. Landshuter Erzählungen // Wunschkonzert. M., 1983. P. 265–330.

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. *Predlozheniye i yego smysl* [Sentence and its meaning]. Moscow, 2005. 384 p.
2. Shakhovskiy V. I. *Lozh (vranyo) kak rechevoj zhanr (k teorii zhanroobrazuyuschikh priznakov)*. [Lying (lying) as a speech genre (To the theory of genre genesis features)]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Denentyev]. Iss. 4. Saratov, 2005, pp. 218–241.
3. Morozova E. I. *Lozh kak diskursivnoye obrazovanie: lingvokognitivnyj aspekt* [Lying as a discourse

phenomenon: linguistic and cognitive aspect]. Khar'kov, 2005. 299 p.

4. Babych E. N. *Rechevyye akty s narusheniyem usloviya iskrennosti v sovremennom nemetskoyazychnom diskurse* [Speech acts with violation of the sincerity condition in modern German discourse. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Khar'kov, 2010. 20 p.

5. Dönninghaus S. Pod flagom iskrennosti: litsemi-riye i lest' kak spetsificheskiye yavleniya rechevogo zhanra "pritvorstvo" [Under the guise of sincerity: hypocrisy and flattery as specific phenomena of the speech genre "pretending"]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Denentyev]. Iss. 2. Saratov, 1999, pp. 213–227.

6. Falkenberg G. *Unaufrichtigkeit und Unredlichkeit*. Trier, 1984. 7 p.

7. Lapp E. *Linguistik der Ironie*. Tübingen, 1992. 189 p.

8. Shatunovskij I. B. «Pravda», «istina», «iskrennost», «pravilnost'» i «klozh» kak pokazateli sootvetstviya / nesootvetstviya sodержaniya predlozheniya, mysli i deistvitelnosti [«Truth», «verity», «sincerity», «rightness» and «lie» as indicators of correspondence / incorrespondence between sentence, thought and reality]. *Logicheskij analiz yazyka: Kulturnyye kontsepty* [Logical analysis of language: Cultural concepts]. Moscow, 1991, pp. 31–38.

9. Lyons J. *Linguistic semantics: introduction*. [Lingvisticheskaya semantika]. Moscow, 2003. 400 p.

10. Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov [The Problem of speech genres]. *Bakhtin M. M. Sobranie sochinenij: v 7 t.* [Collected works: in 7 vol.]. Vol. 5. Moscow, 1996, pp. 159–206.

11. Dönninghaus S. M. Teoria rechevykh zhanrov M. M. Bakhtina v teni pragmatolingvistiki [M. Bakhtin's theory of speech genres in the shadow of linguistic pragmatics]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Denentyev]. Iss. 3. Saratov, 2002, pp. 104–117.

12. Demytyev V. V., Sedov K. F. *Sotsiopragsmaticheskiy aspekt teorii rechevykh zhanrov* [Social and pragmatic aspect of speech genre theory]. Saratov, 1998. 107 p.

13. Demytyev V. V. Issledovaniya po rechevym zhanram v Rossii: XXI vek [Researches in speech genres in Russia: XXI str.]. *Lingvistika teksta i diskursivnyy analiz: Traditsii i perspektivy* [Text linguistics and discourse analysis: traditions and prospects]. St.-Petersburg, 2007, pp. 162–196.

14. Boldyrev N. N. Protsessy kontseptualizatsii i kategorizatsii v yazyke i rol' v nikh imen abstraktnoj semantiki [Conceptualization and categorization processes in language and the role of abstract semantics names in them]. *Gorizonty sovremennoj lingvisti-*

ki: traditsii i novatorstvo [Horizons of modern linguistics: traditions and innovations]. Moscow, 2009, pp. 38–50.

15. Searle J. R. *Speech Acts*, 27th printing. Cambridge, 2005. 203 p.

16. Wunderlich D. Zur Konventionalität von Sprechhandlungen. *Linguistische Pragmatik*. Fr.; M., 1972, pp. 11–59.

17. Searle J. R. Intentionalität und der Gebrauch der Sprache. *Sprechakttheorie und Semantik*. Fr.; M., 1979, pp. 149–174.

18. Searle J. Klassifikatsiya illokutivnykh aktov [Classification of illocutionary acts]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow, 1986, no. XVII, pp. 170–194.

19. Chisholm R. M., Feehan T. D. The Intent to Deceive. *The Journal of Philosophy*. 1977, no. 74, pp. 143–159.

20. Habermas J. Erfolgs- und Verständigungsorientierter Sprachgebrauch. Der Stellenwert perlokutionärer Effekte. *Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung*. Fr.; M., 1987, Bd. 1., pp. 385–397.

21. Polenz P. v. *Deutsche Satzsemantik: Grundbegriffe des Zwischen-den-Zeilen-Lesens*. Berlin, 1988. 389 p.

22. Austin J. Pritvorstvo [Pretending] *Austin J. Tri sposoba prolit' chernila: filosofskiy raboty* [Three ways of spilling ink: Philosophical papers]. St.-Petersburg, 2006, pp. 282–301.

23. Ortony A., Clore G., Collins A. Kognitivnaya struktura emotsij [Cognitive structure of emotions]. *Yazyk i intellekt* [Language and intellect]. Moscow, 1996, pp. 314–384.

SOURCES

1. Bauersima I., Desvignes R. FILM. *Theater, Theater: Aktuelle Stücke 13*. Fr.; M., 2003, pp. 7–95.

2. Bieler M. Drei Rosen aus Papier. *Hörspiele*. Berlin, 1964, pp. 7–39.

3. Flatow C. *Das Geld liegt auf einer Bank und noch mehr Theater*. München, 1995. 408 p.

4. Horváth Ö. von. Zur schönen Aussicht. *Spectaculum 18*. Fr.; M., 1973, pp. 225–269.

5. Horváth Ö. von. Die Unbekannte aus der Seine. *Gesammelte Werke. Bd. 3*. Fr.; M., 1978, pp. 139–200.

6. Schertenleib H. Radio Kaschmir. *Theater, Theater: Aktuelle Stücke 12*. Fr.; M., 2002, pp. 311–364.

Sperr M. Landshuter Erzählungen. *Wunschkonzert*. M., 1983, pp. 265–330.

Статья получила положительные анонимные рецензии от двух докторов наук, компетентных в обсуждаемой проблематике